

УДК 141.821/822(520)“1930/39”:303.442.43

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-50-62

Японский марксизм 1930-х годов: критика государственной идеологии

О. В. Язовская

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Рассмотрена марксистская критика государственной идеологии в Японии 1930-х гг. Для этого сопоставлены три авторские позиции наиболее видных мыслителей того времени. Политический деятель Катаяма Сэн утверждал идею неизбежности вступления Японии в войну как способа снятия социального напряжения в связи с экономическим кризисом. Ведущий теоретик японского марксизма Тосака Дзюн выступил с критикой господствующей идеологии японизма, которую он определяет как духовный фашизм, в основании которого лежит доктрина милитаризма. А его соратник Кодзай Ёсисигэ пишет о дихотомии идеологии войны и психологии мира.

Ключевые слова

японская философия, марксизм, межвоенный период, государственная идеология, Катаяма Сэн, Тосака Дзюн, Кодзай Ёсисигэ

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 17-18-01165)

Для цитирования

Язовская О. В. Японский марксизм 1930-х годов: критика государственной идеологии // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2. С. 50–62. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-50-62

© О. В. Язовская, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2

Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 2

Japanese Marxism of the 1930s: Criticism of State Ideology

O. V. Yazovskaya

*Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsyn
Yekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the Marxist criticism of state ideology in Japan in the 1930s. For this purpose, three author positions of the most prominent thinkers of the time are given. The politician Katayama Sen asserts the idea of the inevitability of Japan's entry into the war as a way of relieving social tension due to the economic crisis. The leading theorist of Marxism, Tohsaka Jun, criticizes the dominant ideology of Japanism, which he defines as spiritual fascism, based on the doctrine of militarism. And his associate Kodzai Yoshishige wrote on the dichotomy of the ideology of war and the psychology of peace.

Keywords

Japanese philosophy, Marxism, interwar period, state ideology, Katayama Sen, Tosaka Jun, Kozai Yoshishige

Acknowledgements

The research was supported by Russian Science Foundation (project № 17-18-01165)

For citation

Yazovskaya O. V. Japanese Marxism of the 1930s: Criticism of State Ideology. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 50–62. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-50-62

Первая половина XX в. между двумя мировыми войнами стала переломной для целого ряда государств и разных слоев общества. Интеллектуальные круги, с одной стороны, переживали смятение, а с другой – старались осмыслить произошедшее и предотвратить повтор трагедии. На Дальнем Востоке, в частности Японии, эти процессы были отражены в меньшей степени, поскольку страны этого региона практически не принимали участие в Первой мировой войне, но новые философские течения стали активно распространяться в регионе в связи с увеличением международных контактов. Американский историк Гарри Д. Арутюнян отмечает

наличие интеллектуального сдвига, направлявшего философию к повседневности, но политическая обстановка вынуждала ее вступать в конфронтацию с фашистской идеологией: «Последствия этого интеллектуального сдвига требовали, чтобы философия приобрела новое призвание, посвященное предмету повседневности, тогда как ее политические коннотации настаивали на открытой конфронтации с фашизмом и его культурной идеологией» [Harootunian, 2008. Р. 97]. В конфронтацию не побоялись вступить представители марксизма, проникшего в этот период в императорскую Японию.

С момента прихода в японскую философскую и политическую мысль марксизм старательно боролся за выживание. И если представители академической философии в лице Киотской школы так или иначе были вынуждены взаимодействовать с властью (подробнее об этом см.: [Язовская, 2018], то сторонники марксизма – постоянно уходить в подполье, отчасти поэтому они более свободно выражали свою позицию относительно интеллектуальной ситуации 1920–1930-х гг.

Первыми марксистской, или материалистической, философией заинтересовались японские просветители конца XIX в., в числе прочих Накаэ Тёмин, активный участник борьбы за свободу и народные права, его ученик Котоку Сюсуй, известный как переводчик Манифеста коммунистической партии на японский язык, а также Катаяма Сэн (1859–1933), который оставил значительный след в развитии рабочего движения не только в Японии, но и за рубежом. И хотя он менее известен как философ и теоретик марксизма, но ряд его трудов был переведен на русский язык именно благодаря его активной работе в бюро Исполкома Социалистического Интернационала. Также он сыграл значимую роль в создании Коммунистической партии Японии в 1920-е гг. и в это же время переехал в СССР, где и оставался до конца своих дней (см.: [Катаяма, 1926]).

В статье «Японский империализм и война», изданной в 1933 г., Катаяма Сэн обращается к роли Японии в ситуации международного напряжения и борьбы между капиталистическим и социалистическими лагерями. «В обстановке всей этой мировой ситуации Япония будет играть одну из главных ролей в будущей войне», – отмечает Катаяма [1960. С. 36]. При

этом он указывает на сильный перекося экономики в сторону военного сектора, который находится под патронажем государства. Остальные же сектора находятся в кризисе, а основные доходы сильно зависят от экспорта и международной торговли, что делает пополнение бюджета еще более рискованным. Но Япония ищет выход из кризиса не посредством реформ, а посредством поиска внешних врагов и милитаристского дискурса. Катаяма Сэн пишет: «Япония... все время занята мыслью о войне и подготовке к мобилизации. Именно в войне она ищет выхода из кризиса. Япония является слабейшей в числе других империалистических держав. Ее крестьянство голодает. Ее пролетариат сведен до положения колониальных рабов. В массах нарастает революционное брожение» [Катаяма, 1960. С. 42]. И затем Катаяма выносит вердикт дальнейшему развитию событий: «Империалистическая Япония не может бесконечно продолжать свою подготовку к будущей войне против Советского Союза. В росте социалистической мощи Советского Союза и в усилении симпатий к нему со стороны угнетенных народов Востока японский империализм видит свою гибель... В экономическом отношении Япония неизбежно будет все больше и больше приближаться к катастрофе, если она будет продолжать идти по нынешнему пути. При таких условиях единственный выход японские империалисты видят в том, чтобы взяться за оружие и начать военную интервенцию». Представленная позиция весьма реалистично отражает то положение, в котором на международной арене находилась Япония перед Второй мировой войной. Катаяма Сэн подытоживает: «В общем мы приходим к выводу, что на Дальнем Востоке неминуема война, главную роль в которой будет играть японский империализм» [Там же. С. 43, 44].

В дальнейшем с начала XX в. в Японии идет формирование рабочего движения, а уже с середины 1920-х гг. начинает действовать Коммунистическая партия, которая достаточно быстро стала объектом критики со стороны действующего режима. И с этого же времени начинается более основательное изучение в Японии философии марксизма. Публикуются переводы ряда знаковых работ марксизма-ленинизма: «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина (1927), «К вопросу о развитии монистиче-

ского взгляда на историю» Г. В. Плеханова и «Диалектика природы» Ф. Энгельса (1929), «Немецкая идеология» К. Маркса и Ф. Энгельса (1930). С конца 1920-х – начала 1930-х гг. начинают действовать открытые организации по изучению философии марксизма и вопросов материализма: Институт пролетарской науки, открытый в 1929 г., а также Лига воинствующих атеистов, появившаяся в 1931 г. и уже через год признанная незаконной, и Общество по изучению материализма, сформированное в 1932 г. для легального изучения и пропаганды марксистских идей. Как раз последняя организация стала оплотом борьбы с усиливающейся милитаризацией страны и активно выступала против государственной пропаганды национализма [Поспелов, 1974. С. 7–11].

Среди наиболее видных деятелей данной организации можно выделить таких, как Тосака Дзюн (1900–1945), Нагата Хироси (1905–1947), Кодзай Ёсисигэ (1903–1990) и ряд других. И если Нагата Хироси выступает как теоретик марксизма и ведущий переводчик основных произведений марксизма-ленинизма и в большей степени ведет академическую работу по систематизации японской философской мысли начиная с анализа зарождения материалистических идей в философских течениях эпохи Эдо (см.: [Нагата, 1990; 1991], то Тосака Дзюн при поддержке Кодзай Ёсисигэ в большей степени развивает актуальные положения марксистской философии применительно к существующей государственной политике. Японский исследователь середины XX в. Мори Коити среди прочих выделяет двух первых авторов как наиболее значимых философов марксистского толка в 1920–1940 гг. и отмечает, что их труды «имеют значение памятника, выражающего достижения марксистской философии Японии довоенного периода» [1964. С. 22]. В своих произведениях они подвергают серьезной критике академическую философию или же философию идеализма, к которой относились все представители Киотской школы, а также выступают против идеологии японизма, выраженной в идее о духе Ямато и концепции национальной сущности *кокутай*, и так или иначе затрагивают тему войны, милитаристской риторики и фашизма.

В первую очередь к данной тематике обращается Тосака Дзюн как руководитель Общества по изучению материализма, изложив свои мысли в труде «Японская идеология», изданном в 1935 г. Название работы было снабжено следующим подзаголовком: критика идей японского фашизма и либерализма. Работа в основном как раз и посвящена критическому анализу идеологических концепций Японии 1930-х гг. Тосака Дзюн подмечает, что их авторы путем методологических ошибок в рассуждениях так или иначе приходят к декларированию примата японизма или же концепции японского духа и способствуют насаждению милитаристского сознания. Интеллигенция, которая могла бы оспорить такой путь развития, в большей степени увлечена интерпретаторской философией или же литературизмом, одним из методов которой становится филологизм как толкование ключевых понятий японской культуры и особенностей развития японской истории посредством обращения к классической литературе. «Теоретические проблемы, обсуждаемые интеллигенцией нашего времени, касаются проблем, в которых заинтересованы прежде всего литераторы в широком смысле слова. Теории такого рода невольно наводят на мысль: не стремятся ли интеллигенты быть главенствующей силой в обществе? И здесь не остается места для сомнений», – заключает Тосака [1982. С. 25].

Представленный интеллигенцией метод становится основой для формирования идеологии японизма, основанной на истолковании японской истории. Тосака Дзюн приводит составляющие японизма: «В его содержание включаются такие принципы, как японский дух, идеи японских физиократов, японский азиатизм (теория главенства Японии в Азии). Поэтому в конечном счете весь японизм – отборный, унифицированный – должен был свестись к “абсолютизму”, что и произошло на самом деле. Если относительно “тэнно” (японский император) идут бесконечные дискуссии, то “абсолютизм” есть не что иное, как примененный к истории Японии метод интерпретаторской философии, принявший форму филологизма» [Там же. С. 27–28]. В другой части книги он уточняет содержание японизма и уже о трех составляющих. Во-первых, это определенный набор

категорий: Япония, народ, дух нации, сельское хозяйство, путь богов, бог, император. Далее антитехнизм, выступающий как антиматериализм в связке с мировым фашизмом. И наконец, архаизм, связанный с опорой на категории японских классических филологических изысканий и тэнноизма [Там же. С. 83].

В данной ситуации либеральная интеллигенция, несмотря на наступление японизма и желание стать главенствующей силой, все больше отстраняется от работы с массовым сознанием. «Японизм не только понимает, что он является формой современного общественного сознания, но, как видно, взял курс на более активное распространение своего влияния на массы; раздаются даже голоса, что японизм призван осуществлять просвещение масс. И вот в таких условиях ученые либералы считают ниже своего достоинства участвовать в просвещении масс» [Там же. С. 30], – отмечает Тосака Дзюн и негодует в связи с тем, что его современники, философы и литераторы, все больше увлечены рассуждениями метафизического толка и самоанализом, нежели чем-то более реальным. Его возмущает, что «эта услуга либералов “просветительскому движению” японизма и содействовала переходу этого движения уже на ступень *контроля культуры*, что и явилось первым наступательным актом японизма как духовного фашизма» [Тосака, 1982. С. 30].

Японизм определяется не только как фашизм, но также и как идеология и доктрина милитаризма. Тосака Дзюн отмечает, что «если же говорить прямо, то *японизм* – это понятие, сердцевиной которого является *доктрина* милитаризма, и, как *форма* определенной *идеи*, он с самого начала обладает исключительно ясно выраженным свойством идеологии» [Там же. С. 131]. А основой японизма в данном контексте выступает милитаристское сознание, которое формируется военизированным правительством современной Японии.

Единственным выходом из ситуации Тосака Дзюн представляет, конечно, установление господства рабочего класса в плане социальной организации и переход на позиции материализма в идеологическом плане. Но в представленных фрагментах его рассуждений мы также читаем его

четкое понимание современной ситуации и желание бороться за свою страну посредством критики идеологии японизма.

Кодзай Ёсисигэ, соратник Тосака Дзюн по коммунистической партии и Обществу по изучению материализма, в своих трудах обращается к критике уже непосредственно академической философии. В работе «Современная философия» (1937) он через критику европейской и американской философии предостерегает японскую философскую школу от следования по их пути развития, а не по пути диалектического материализма в связи с тем, что это приведет к обоснованию нацистского мировоззрения, как это произошло в Германии. Свое рассуждение он начинает с тезиса, что всякой эпохе характерна своя философия. «Философия суммарно выражает материальные и идейные черты эпохи, а это и означает, что эпоха отражается в философии», – пишет Кодзай Ёсисигэ [1974. С. 13]. Далее он рассматривает особенности развития немецкой классической философии и американского прагматизма, отмечая, что каждое из этих направлений выдвигало либо примат теории над практикой, либо практики над теорией, но не давало ничего совместного. При этом сам характер философских рассуждений или приводил к мистицизму, как это было в философии жизни и в дальнейшем послужило опорой для формирования мировоззрения нации, или же выступал игрой разума. Перестройка в направлении большего мистицизма, с одной стороны, и еще большей теоретизации, с другой, произошла после Первой мировой войны, отдалив формирование философии как науки. Можно сказать, что философия отходит на второй план, а на первый план выходит мировоззрение. Кодзай Ёсисигэ отмечает, что «требования практичности философии “мировоззренческий” идеализм провозглашал “философией жизни”. В нацистском мировоззрении это требование приобретает наиболее открытую форму. Философия уже не смеет быть ни развлечением, ни созерцанием. Больше того, философия должна стать высшей формой “служения знанием”, восполняющей “принудительную трудовую повинность” и “повинность обороны страны”, должна взять на себя единственную обязанность фронтального наступления на “враждебное мировоззрение”. В этом мы находим в наиболее концентриро-

ванной форме стимул практики, наглядно определяющий “мировоззренческий” идеализм как продукт эпохи империализма» [Кодзай, 1974. С. 90]. И философская мысль Японии уже стремительными шагами двигалась по этому пути, поскольку «решающую роль здесь сыграло сходство социальной обстановки в нацистской Германии и современной Японии» [Там же. С. 64]. Единственное разрешение данной ситуации Кодзай Ёсигэ видит в дальнейшем изучении и пропаганде идей диалектического материализма и критике немецкого идеализма, прочно укоренившегося в академической среде.

Уже после окончания Второй мировой войны Кодзай Ёсигэ обращается к тематике войны в разговоре об общественной психологии и идеологии с точки зрения исторического материализма. Автор с беспокойством отмечает, что японское правительство конца 1940-х – начала 1950-х гг. все еще продвигает идеологию войны, но уже под видом теорий отрицания и преждевременности перевооружения: «В современных условиях эти теории представляют собой не что иное, как официально провозглашаемую идеологию войны, направленную на то, чтобы перед лицом мощных международных и внутренних миролюбивых сил отвлечь внимание масс от интенсивно осуществляемой в настоящее время подготовки войны» [Кодзай, 1964. С. 46]. При этом расхождение данной идеологии и фактов настолько велико, что уже носит *демагогический характер*. И если идеология императорской системы старалась связать свое содержание с древностью и стариной, обращаясь к японской мифологии, то современный ее вариант обращается к космополитизму, идее мира и гуманизму. Что касается общественной психологии, понимаемой как общественное мнение и взгляды, то здесь налицо неприятие войны. «Причем, когда народ высказывает свое отрицательное отношение к войне, его психология определяется скорее не условиями повседневной жизни в настоящее время, а главным образом воспоминаниями о тяжелом прошлом и беспокойством о тех несчастьях, которые могут возникнуть в будущем», – отмечает Кодзай Ёсигэ [1964. С. 51]. Таким образом, в послевоенное время наблюдается идеологическая дихотомия: с одной стороны,

идеология войны как правительственная парадигма, а с другой – психология мира в сознании масс. Кодзай Ёсисигэ призывает к их разделению и разграничению, поскольку только тогда можно будет отказаться от навязанной идеологии войны и утвердить психологию мира, иначе одно поглотит другое. При этом нужно различать как саму идеологию войны, военную демагогию, выступающую идеологией господствующего класса, так и сознание масс, подверженное воздействию данной идеологии. И корректировке надлежит подвергать именно сознание масс, стремящееся к миру: «Необходимо... прокладывать путь психологии мира, а также отвечающей ее развитию простой и ясной идеологии народа (возможность мирного сосуществования двух миров, заключение мирного договора между пятью великими державами, запрещение атомного и бактериологического оружия, запрещение военной пропаганды, заключение мирного договора между странами Азии и Тихого океана, борьба против перевооружения, борьба против мобилизации в армию и т. п.)» [Там же. С. 54].

Указанные позиции представителей марксистской философии первой половины XX в., на наш взгляд, отражают их переживания относительно усиливающейся милитаризации страны. Так, для Катаяма Сэна ситуация становится критической, и он заявляет о неизбежности войны для Японии на фоне затянувшегося внутреннего экономического кризиса, и как раз имперские устремления станут способом снятия общественного напряжения. Тосака Дзюн более теоретически рассматривает милитаризацию Японии и видит причину в развитии идеологии. По его мнению, все популярные идеологии идеалистического толка в Японии сводятся к японизму, поскольку опираются на метод филологизма применительно к истории Японии. В целом идеология японизма опирается на ряд плохо выстраивающихся в систему категорий, среди них народ, дух нации, сельское хозяйство, путь богов и император, а также идею антитехницизма и архаические представления. Тосака Дзюн прямо заявляет, что японизм выступает как основа милитаристского сознания масс и является формой духовного фашизма. И третий рассмотренный нами автор, соратник Тосака Дзюн, Кодзай Ёсисигэ исходит из того, что в нацистском мировоз-

зрении философии отводится определенная функция, а именно – формирование мировоззрения, способного оборонять страну от вражеского воздействия. И он приходит к выводу о том, что японская академическая философия уже следовала по этому пути, констатируя сходство этапов развития философии в Германии и Японии. Уже после Второй мировой войны Кодзай Ёсисигэ пишет более открыто и говорит о существовании идеологической дихотомии общественного сознания, поскольку правительство под видом гуманизма пропагандирует идеологию войны, а противостоит этому психология мира как запрос уставшего от войны общества.

Список литературы / References

Катаяма Сэн. Моя жизнь / Пер. с англ. С. Мятежного. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. 79 с.

Katayama Sen. Moya zhizn' [My life] / Trans. from English S. Myatezhny. Moscow; Leningrad, Moskovskiy rabochiy, 1926. 79 p. (in Russ.)

Катаяма Сэн. Японский милитаризм и война // К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии. М.: Госполитиздат, 1960. Вып. 33. С. 35–46.

Katayama Sen. Yaponskiy militarizm i voyna [Japanese militarism and war]. In: K voprosu o zarozhdenii i razvitiu marksizma v Yaponii [On the birth and development of Marxism in Japan]. Moscow, Gospolitizdat, 1960, iss. 33, p. 35–46. (in Russ.)

Кодзай Ёсисигэ. Исторический материализм и общественная психология (Пер. Ю. Б. Козловского) // Современные прогрессивные философы Японии: Сб. ст.: Пер. с яп. М.: Прогресс, 1964. С. 42–57.

Kozai Yoshishige. Istoricheskiy materializm i obshchestvennaya psikhologiya [Historical materialism and social psychology] (Transl. by Yu. B. Kozlovsky). In: Sovremennye progressivnye filosofy Yaponii [Modern progressive philosophers of Japan]. Collected articles. Moscow, Progress Publ., 1964, p. 42–57. (in Russ.)

Кодзай Ёсисигэ. Современная философия. Заметки о «Духе Ямато» / Пер. с яп. Л. Ш. Шахназаровой. М.: Наука, 1974. 208 с.

Kozai Yoshishige. Sovremennaya filosofiya. Zametki o "Dukhe Yamato" [Modern philosophy. Notes on the "Spirit of Yamato"]. Transl. from Jap. by L. Sh. Shakhnazarova. Moscow, Nauka, 1974, 208 p. (in Russ.)

Мори Коити. Развитие материалистической философии в Японии после Второй мировой войны (Пер. с яп. Т. Д. Калашниковой) // Современные прогрессивные философы Японии: Сб. ст. М.: Прогресс, 1964. С. 17–41.

Mori Koichi. Razvitie materialisticheskoy filosofii v Yaponii posle Vtoroy mirovoy voyny [The development of materialist philosophy in Japan after the Second World War] (Transl. by T. D. Kalashnikova). In: Sovremennye progressivnye filosofi Yaponii [Modern progressive philosophers of Japan]. Collected articles. Moscow, Progress Publ., 1964, p. 17–41. (in Russ.)

Нагата Хироси. История философской мысли Японии / Пер. с яп., общ. ред. и вступ. ст. Ю. Б. Козловского. М.: Прогресс, 1991. 416 с.

Nagata Hiroshi. Istoriya filosofskoy mysli Yaponii [The history of Japanese philosophical thought]. Transl. from Jap., General editing and introductory article by Yu. B. Kozlovsky. Moscow, Progress Publ., 1991, 416 p. (in Russ.)

Нагата Хироси. История японского материализма / Пер. с яп., послесл. и примеч. Л. Ш. Шахназаровой. М.: Мысль, 1990. 333 с.

Nagata Hiroshi. Istoriya yaponskogo materializma [The history of Japanese materialism]. Transl. from Jap., afterword and notes by L. Sh. Shakhnazarova. Moscow, Mysl' Publ., 1990, 333 p. (in Russ.)

Поспелов Б. В. Очерки философии и социологии современной Японии. М.: Наука, 1974. 304 с.

Pospelov B. V. Ocherki filosofii i sotsiologii sovremennoy Yaponii [Sketches of philosophy and sociology of modern Japan]. Moscow, Nauka, 1974, 304 p. (in Russ.)

Тосака Дзюн. Японская идеология / Сокр. пер. с яп. Л. Ш. Шахназаровой. М.: Прогресс, 1982. 250 с.

Tosaka Jun. Yaponskaya ideologiya [Japanese ideology]. Transl. from Jap. by L. Sh. Shakhnazarova. Moscow, Progress Publ., 1982, 250 p. (in Russ.)

Язовская О. В. Японские интеллектуалы 1930–1940-х гг.: противодействие националистическим представлениям в философии Киотской школы на этапе ее становления // Общество: философия, история, культура. 2018. №10. С. 40–44.

Yazovskaya O. V. Yaponskie intellektualy 1930–1940-kh gg.: protivodeystvie natsionalisticheskim predstavleniyam v filosofii Kiotskoy shkoly na etape ee stanovleniya [Japanese intellectuals of the 1930s–1940s: counter-acting the nationalistic ideas in the Kyoto School of philosophy during its emergence]. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2018, no. 10, p. 40–44. (in Russ.)

Harootunian H. D. Time, everydayness and the specter of fascism. Tosaka Jun and philosophy's new vocation. *Re-Politicising the Kyoto School as Philosophy*. Abingdon, New York, Routledge, 2008, p. 96–112.

Материал поступил в редколлегию

Received

19.04.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Язовская Ольга Валерьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620083, Россия)

Olga V. Yazovskaya, Candidate of Science (Culturology), Associate Professor at the Department of the History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (51 Lenin Ave., Ekaterinburg, 620083, Russian Federation)

yazolga@gmail.com